

ПОТЕНЦИАЛЬНО «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ»: ВИРНО И МЕДИАЛЬНОЕ

Вот уже несколько лет или даже десятилетий предпринимаются попытки описать способы связи человеческого (тела) и технологического (устройства) и через эту связь определить характеристики существования человека в условиях современности. Попеременно и порознь, а иногда в комбинациях друг с другом в поле этих интересов были и кибернетика, и искусственный интеллект, и медиа, и машины, и киборги, и симулированная визуальность. Стремление походить на ирреально прекрасные образцы путем использования косметических и хирургических средств, добиваться большей слаженности и производительности труда путем тренировки тела, объединять уже расслоенные диспозитивами и существующие отдельно слова, голоса, звуки и картинки нередко приводило к представлению о том, что не остается тех структур, которые еще можно было бы назвать человеческими. Еще М.Маклюэном использованные «расширения чувств» расплылись как низшие (эмоциональные), так и высшие (разумные) границы, в которых человеческое могло бы себя обнаруживать. Оказывается ли преодоленным шок от столкновения с новыми устройствами, на что надеялся Маклюэн, или человеческое «все более теряет в весе», не справляясь с вторжениями техники? В поисках ответа на вопрос, насколько на разных уровнях находятся уходящая естественность тела и конкретность медийных продуктов, вызывающих ощущения материальности, в фокусе внимания оказывается собственно характер связи, моменты перехода. Очевидно, что осмысления требуют не только изменения нашего окружения, в первую очередь техногенного, но и характер наших связей с ним.

Характер связи, отношения, переходы, переносы и даже переводы – это первостепенные предметы исследований медиатеорий на нынешнем этапе их развития. Так, тот факт, что мысль проявляется опосредованно, через некоторые формы, тривиален, решающим моментом, однако, является понимание *вида* этой связи, того, каким образом осуществляется переход от «материальных» предпосылок (в виде аппаратов) в сферу символического. Сегодня, когда прошло уже более столетия со дня рождения М.Маклюэна, очевидно, что некоторые его ожидания не оправдались самим техническим развитием, его преференции в области различных медиа были более чем историчны и сегодня не имеют под собой почвы, а связи, на которые он указывал, нуждаются в гораздо более детальных описаниях и кропотливом изучении. Поэтому нет ничего удивительного в том, что к настоящему моменту не сложилось единой магистральной медиатеории, и скорее можно говорить о дополняющих друг друга проектах, посвященных анализу отдельных понятий или конкретных явлений, в своей множественности говорящих о «медиа» и «медиальном». Кроме того, это множество теорий и ныне окружено другими высказываниями, как это было и ранее, до начала двадцатого века, особенно когда велись исследования языка (от Гердера до Кассирера, разместившего символы между нами и предметами, чем предоставившего возможность наследникам его творчества интерпретировать символы как трансмедиальное). Эти высказывания, может быть, не являются прямо медиатеоретическими, но с содержательной точки зрения обсуждают характерные сюжеты и из рассуждений о медиа не могут быть устранены.

«Непосредственная связь между технологиями и эмоциональными тоналностями» – фраза из известной работы современного итальянского философа и политического активиста Паоло Вирно «Грамматика множества»¹. Он указывает направление, следуя которому можно обнаружить контуры субъективности, испытывающей на себе влияние медиа. Напрямую в ней не исследуются ни телесное воздействие медиа (не говорится об инкорпорированных чипах и манипуляциях, осуществляемых при их посредничестве), ни их визуальные эффекты (не обсуждаются переполненные дигитальными «образами» и неоновыми симуляциями фасады зданий и заполненность жилых помещений экранами различных видов), ни перехлестывающие любые пороги допустимого освоения объема сведений, которые транслируют различные сети и гаджеты (Вирно не уделяет места дебатам даже о том, как понимать «информацию») – одним словом, по формальным признакам это совсем не типичный текст медиатеоретика. По формальным признакам это скорее политический текст, предлагающий способ описания режимов существования, поведенческих форм при выполнении работы, которые в новых условиях постфордизма показались загадочными, способ описания, соединяющий элементы антропологии, философии языка, этики и критику политической экономии, рассматривающий соответственно формы существования, лингвистические игры, этические предпочтения и характеристики производства. Однако главный предмет анализа Вирно, «множество» как определенным образом (к которому мы еще вернемся) улавливаемая *переходная форма* может быть увидено в перспективе, задаваемой ключевой для определения медиа функцией – опосредованием. В дальнейшем нас более всего будет интересовать, что связывается множеством, какие «части» и как оно сводит воедино (если таковые операции им производятся).

Безусловно, в «Грамматике...» есть по меньшей мере два фрагмента, легко переносимых в контекст медиатеории, и касаются они тем зрелищности и коммуникации. Разумеется, эти темы интересуют Вирно в контексте поиска политического измерения современных форм существования, иначе и здесь можно было бы наблюдать введение различий между зрелищным и коммуникативным, между визуальным и виртуозным и т. д. – очевидно, подобные различия не значимы в том случае, когда зрелищное уравнивается с индустрией коммуникации, виртуозность и считается коммуникативностью или по крайней мере коммуникабельностью, как у Вирно, а собственно коммуникация записывается через запятую после абстракции. Фактически зрелищное используется Вирно для того, чтобы показать, как марксистская теория должна учитывать изменение средств производства – ведь это более не машины, но базисные способности тех, кто составляет множество, такие, как навыки общения, владение языком. Обращаясь к общепризнанному источнику представлений о зрелищном – к ситуационистской теории Ги Дебора, Вирно еще раз напоминает, что из признака, характеризовавшего лишь один довольно узкий и тогда еще не слишком значительный, а главное, трудноописываемый сегмент производства (сам Вирно в качестве подтверждения приводит цитату из романа итальянского писателя Л.Бьянчарди «Горькая жизнь» почти пятидесятилетней давности², чтобы продемонстрировать, что тогда никто не мог представить себе, на основании каких критериев следовало отличать

¹ См.: *Virno P. Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life.* Translated by Isabella Bertolotti, James Cascaito and Andrea Casson. N. Y.: Semiotext (e), 2004. Далее цитаты из работы Вирно приводятся по этому изданию.

² См.: *Virno P. Grammar...* P. 58.

хорошего журналиста от плохого), «зрелищность» по прошествии нескольких десятилетий превратилась в характеристику производства вообще, всех его отраслей. Сегодня зрелищность фактически указывает на способы взаимодействий и связанные с ними эмоциональные тональности, циркулирующие в том множестве, которое Вирно стремится описать как нового агента действия. Согласно Вирно, то, что было запущено индустрией зрелищ, то, что критиковал Адорно, – это **ценность коммуникации самой по себе**. Говоря о ценности в связи с коммуникацией, следует помнить, во-первых, что она вполне материальна – тот, кто сегодня наиболее коммуникабелен, тот и получает наибольшие гонорары (не только в области так называемых «креативных индустрий», но и на автозаводе), и, во-вторых, коммуникация не рассматривается как нечто безусловно позитивное – она зачастую цинична и говорит об умении приспосабливаться прежде всего. «В зрелищном нам явлены в отделенной и фетишизированной форме производственные силы общества, те производительные силы, которые должен привлекать всякий современный рабочий процесс – **языковая компетентность, знания, воображение и т. д.**»³. И если деньгами измеряется результат производственного процесса, когда процесс этот завершен, то зрелищное касается производственного процесса в его разворачивании, в его потенциале, обнаруживает то, «что мужчины и женщины *могут* делать». И тут самое интересное состоит в том, что, как можно интерпретировать Вирно, сами эти возможности становятся видимыми, как видимой становится мысль. Описывая множество, не единожды Вирно говорит о том, что оно представляет собой такую форму существования, в которой границы между интеллектуальным и реальным, между творческим поэзисом и оплаченными однообразными операциями, выполняемыми в процессе труда, стираются: если раньше мысль была делом индивидов, делом внутренним, разворачивавшимся вдали от чужих (и каких бы то ни было) глаз, тем, что никогда не входило в список обязанностей той или иной должности, то ныне, и это характеризует множество, мысль разворачивается на глазах⁴, она как бы овеществляется, и мы, с точки зрения Вирно, в состоянии это увидеть.

Что это за видение, можно представить себе, обратившись к «реальной абстракции». Этот термин был использован Марксом для того, чтобы объяснить способ связи материального и символического. Особенно наглядным примером для него были деньги. Они делают реальным, наблюдаемым один из важнейших принципов человеческого мышления, идею эквивалентности и обмениваемости; деньги – очень абстрактная идея, которая помещается в бумажнике. На обратный процесс, когда наши размышления приобретают ценность материальных вещей, что происходит благодаря научному конструированию аппаратов и устройств, используемых в производстве, намекает, по Вирно, другой термин Маркса – «общественный интеллект». Отметим важный для нас и в том, и в другом случае момент перехода материального в символическое. Как нам представляется, переход оказывается возможным благодаря особой модальности, о которой – в своих целях – часто говорит Вирно, а именно, потенциальности. Говорит он о ней и в связи со зрелищным, подчеркивая, что если такая «реальная абстракция», как деньги, отсылает к результатам труда, к его прошлому, то такая «реальная абстракция», как зрелищное, – это портрет труда, как он происходит в настоящем.

³ *Virno P. Grammar...* P. 60.

⁴ Ср.: «Мысль считалась делом одиночек, действием внутренним, никак не проявленным в области видимого... делом, происходившим тогда, когда замолкали звуки агоры» (*Virno P. Grammar...* P. 37–38).

Несколько в стороне от нашего настоящего исследования находится вопрос о том, как именно можно понимать эту видимую мысль, «зрелищность», «публичность», «общественность» которой обеспечивается, главным образом, особыми структурами языка или «общими местами». То есть зрелищность в описаниях Вирно в первую очередь языковая: яркое, выразительное, виртуозное (термин Вирно) использование языка. Не конкретная отдельная речь, но собственно владение языком, фактически не актуально данным, но языком в его потенциальности. Такой язык разделяют все, он общ для всех, так как фактически означает возможность говорить. «Специальных мест» или «специальных» этико-коммуникативных кодов, о которых писал еще Аристотель, как констатирует Вирно, уже нет более, и приходится пользоваться везде одними и теми же категориями, которые работают подобно панели инструментов, которая всегда готова для использования: «“Специальные места” исчезают, а *непосредственную визуальность* получают общие места»⁵. С одной стороны, Вирно пишет о том, что «общие места» используются потому, что представители множества, лишённые устойчивого, «своего» жилища (*bios xenikos* даже называет Вирно такой способ существования), вынуждены решать сложнейшие и одновременно самые общие вопросы существования и защиты этого существования от мира и его случайностей, и потому обращаются к существеннейшим категориям абстрактного интеллекта, и таким образом «ведут себя как мыслители» (курсив наш. – Н.С.). С другой стороны, за этими общими местами стоят структуры повторения, потому что повторение – это один из лучших и древнейших способов защиты, так как его наличие позволяет надеяться, что само повторение создаст некоторую реальность того, что повторяется. К тому же в отличие от предыдущих эпох наша располагает средствами технического воспроизведения, а значит, повторение уже обеспечено технически, оно *уже* происходит благодаря техническим средствам (и тем самым уже создает свою реальность?). Не оказывается ли в таком случае «решение сложнейших и одновременно самых общих вопросов существования» повтором, который будет поддерживаться технически? То есть фактически речь идет не о мысли как таковой, но скорее о возможностях для нее, прежде всего заданных языком как потенциальностью, о специфических формах мысли, которые оказываются вынесенными в условно публичное пространство. Условно, так как у самого Вирно есть к нему вопросы, да и «Грамматика множества» представляет собой скорее в большей степени развернутый проект и провокативное приглашение к размышлению, чем детализированное изложение концепции. Возможно, это условно публичное пространство, всеми разделяемое, при всех оговорках⁶, является тем уровнем, на котором функционирует опосредование (постараемся избегать здесь формулировки «медиа», дабы не смешивать «медиальное» и средства массовой коммуникации, тем более, что Вирно хотел бы говорить о непосредственной публичности такой формы существования, как множество,

⁵ *Virno P. Grammar...* P. 37 (курсив наш. – Н.С.).

⁶ Приведем по крайней мере две: 1) во вступительной части, где Вирно обсуждает концептуальный аппарат для анализа множества, указывается, что нет разделения публичного и частного – оно больше не работает, значит, это пространство не частное и не публичное; 2) Вирно озабочен тем, что это общее пространство не становится публичной сферой, оно не становится политическим: как будто и нужны зрители виртуозу общения, но эта роль виртуоза дается каждому эпизодически – всякий из множества и актер, и слушатель, потому что каждый использует свою способность пользоваться языком, и эти способности только используются в труде, но не используются для политического действия.

которое отличается – например, от народа – тем, что не транслирует, не передает никакой администрации никаких прав, но должно по идее действовать само).

Отсюда удобно перейти ко второму эксплицированно медиатеоретическому фрагменту размышлений Вирно, посвященному увлекательности и увлеченности техническими медиа – завершающим размышлением о множестве как субъективности. Эмоциональная ситуация, в которой находится современное множество (обсуждаются не психологические тенденции, но фундаментальные характеристики – способы бытия и чувствования), определяется отсутствием твердых оснований и вынужденными практиками приспособления к быстро изменяющимся условиям – инновациям, к изменчивости городской жизни. В быстро меняющихся обстоятельствах рынка труда начинает высоко оцениваться умение маневрировать между абстрактными и взаимозаменяемыми возможностями, что требует изобретательности и экспериментирования с новыми дискурсами в каждый данный момент. Работники вынуждены активно коммуницировать друг с другом, потому что «коммуникабельность» становится товаром, который покупается работодателем, хотя она продолжает оставаться неотъемлемым свойством человеческой природы. Это имеет и негативные последствия: коммуникация, вместо того чтобы отражать и транслировать то, что существует, сама продуцирует состояния вещей, новые факты. Социальная коммуникация сегодня не определяется предварительно поставленными целями, находится в стороне от соответствия тому, к чему относились слова языка. Это не то чтобы «неподлинная жизнь», как ее описывал Хайдеггер. Скорее Вирно готов согласиться с Беньямином, видевшим в таком существовании возможности для будущего: так, «жадность зрения» Беньямин описывал, подчеркивая, что оно обогащает возможности восприятия. Любители медиа рассеяны – они смотрят все, практически ничему не уделяя внимания. В этом нет ничего утопического, в этом есть взаимодействие – это способ принять искусственный опыт, технически сконструированный, апроприировать абстрактную реальность, то есть понятия, реализованные технологиями. Это не смешение далекого и близкого, фигур и фона, но каждый раз складывающаяся установка, что смотреть, что оставить в зоне фона и что выдвинуть на передний план. Так в самом повседневном и рутинном можно разглядеть новое, хотя верно и обратное: и новое можно просмотреть как известное. «Массмедийное любопытство – это чувственное обучение технически репродуцируемому, непосредственное восприятие интеллектуальных продуктов, телесное видение научных парадигм»⁷.

«Телесное видение научных парадигм», ставшее возможным благодаря практически повсеместному использованию медиаустройств, особая видимость форм мысли, обретающей свой зрелищный характер в повторяемых (в том числе благодаря техническому воспроизведению и техническому повторению) «общих местах» языка, – это выводы, к которым нередко приходили медиатеоретики. Так, Вилем Флюссер, отстаивая особенности и новизну изображений, произведенных техническими устройствами (фотоаппаратом, кинокамерой, которые производят «технообразы»), обращал внимание на то, что изображения эти являются не «слепокми» реальности, а образами понятий оптики, химии и т. д. и, строго говоря, вообще не обладают материально-телесными характеристиками, а потому могут быть «увидены» особым способом и особым субъектом видения, которые он также описывал. Язык

⁷ *Virno P. Grammar...* P. 93.

как прообраз медиа, каждый раз актуализуемый говорящим или высказывающимся слой значений в их связи друг с другом также давно преследует медиатеоретиков. Одни идут через него к перформативности, как Дитер Мерш, предлагающий при анализе медиального уйти от «серии приставок и предлогов, которые начинают играть важную роль, когда нужно обозначить отношение, в котором содержится смена уровня, – *meta*, *trans* или *über*» к подчеркивающим момент перерабатывания *dia* и *per*; «к другим техникам, которые также закреплены в практиках и в материальном. Для медиального не релевантны вопросы символического и семиотического, здесь имеют значение *практики*, которые со своей стороны привязаны к их участникам и контекстам <...>. В этой связи можно говорить о перформативности понятия “медиа”»⁸. Другие, как Эрки Хутамо, воспринявший идеи как сторонников микроистории, так и медиаархеологический способ работы Ф.Целински, но основывающийся главным образом на теории топосов известного немецкого филолога Эрнста Роберта Курциуса⁹, предлагает отслеживать существование «культурных формул», мигрирующих из одного культурного контекста в другой и претерпевающих в этом процессе семантические трансформации, так как это помогает понять, как постепенно видоизменяются культурные процессы и как их элементы переопределяют их суть¹⁰. Топос – это культурная формула, которая появляется, исчезает и снова появляется, в этом процессе обновляя свои значения. Медиатопосы служат коннекторами с другими областями культуры, являются средством комментирования медиакультурных тем и фантазий, элементами конструирования идеологий¹¹.

Как видно из этих примеров, некоторые медиатеоретики, уходя от анализа материальных средств трансмиссии и каналов распределения, ныне с большим вниманием подходят к рассмотрению тех условий и структур, которыми может быть обеспечено опосредование как таковое. К такого рода условиям можно отнести использование категории потенциального, внимание к тому, что *может содержать* в себе момент опосредования, дабы последнее могло

⁸ См.: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/mersh_dia.

⁹ См.: *Curtius E.R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter* (1948), *European Literature and the Latin Middle Ages* (trans. by Willard R. Trask, London: Routledge & Kegan Paul, 1979 [1953]).

¹⁰ См.: «Encapsulated Bodies in Motion. Simulators and the Quest for Total Immersion», *Critical Issues in Electronic Media*, ed. Simon Penny (Albany: State University of New York Press, 1995); «From Kaleidoscomaniac to Cybernerd. Towards an Archeology of the Media», in *Electronic Culture*, ed. Timothy Druckrey (N. Y.: Aperture 1996); «Time Machines in the Gallery. An Archeological Approach in Media Art», in *Immersed in Technology. Art and Virtual Environments*, ed. Mary Anne Moser with Douglas McLeod (Cambridge (Mas): The MIT Press, 1996); «From Cybernation to Interaction: A Contribution to an Archeology of Interactivity», in *The Digital Dialectic. New Essays on New Media*, ed. Peter Lunenfeld (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1999); «Elements of Screenology: Toward an Archeology of the Screen», *ICONICS: International Studies of the Modern Image*, Vol.7 (2004), (Tokyo: The Japan Society of Image Arts and Sciences); «Slots of Fun, Slots of Trouble. Toward an Archeology of Electronic Gaming», in *Handbook of Computer Games Studies*, ed. Joost Raessens & Jeffrey Goldstein (Cambridge (Mas): The MIT Press, 2005); «The Pleasures of the Peephole: An Archeological Exploration of Peep Media», in *Book of Imaginary Media: Excavating the Dream of the Ultimate Communication Medium*, ed. Eric Kluitenberg (Rotterdam: NAi Publishers, 2006); «Twin-Touch-Test-Redux: Media Archaeological Approach to Art, Interactivity, and Tactility», in *MediaArtHistories*, ed. Oliver Grau (Cambridge (Mas): The MIT Press, 2006); «Pockets of Plenty. An Archeology of Mobile Media», in *The Mobile Audience*, ed. Martin Rieser (Amsterdam: Rodopi, в печати).

¹¹ См.: «Dismantling the Fairy Engine: Media Archaeology as Topos Study», in *Media Archaeology: Approaches, Applications, and Implications*, eds. Erkki Huhtamo and Jussi Parikka (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011).

состояться. Возможно, потенциальное проникло в медиатеории еще в недостаточно явной форме, тем интереснее, на наш взгляд, сопоставить уже и те объяснительные схемы, о которых только что шла речь, с использованием категории потенциального Вирно. Здесь нам придется осуществить переход от типичных тем, связываемых с медиатеориями, – зрелищного, коммуникативности, растерянной увлеченности медиа, интерпретации которых Вирно мы касались ранее, к темам, с одной стороны, более важным для Вирно, с другой стороны, связанным с проблематикой медиа. Предлагаемое здесь прочтение работы Вирно позволяет использовать категорию потенциальности и для анализа нульмерных образов понятий, и «перерабатывания» (термин, важный для тех, кого относят к медиатеоретикам, от Ж-Ф.Лиотара до Д.Мерша).

О потенциальном Вирно говорит часто. Некоторых аспектов мы уже касались. Это и потенциальная возможность использования языка – не содержание, но сам факт говорения; это не какие-то отдельные способности человека, но все его существо; не результат труда, но то, что делает его возможным; зрелищное не как то, что находится в зоне видимости, но скорее как то, что может состояться. Важно отметить и нередко используемый Вирно способ говорить о том новом, чье описание он предлагает, о множестве, не избирая ни один из терминов, которые были использованы предыдущей традицией. С одной стороны, этот способ проявляет роль опосредования через введение некоего «третьего», с другой стороны, то, что этим «третьим» называется, настолько амбивалентно, что практически существует скорее в форме потенциальности, чем актуально в виде одной из реализованных возможностей. Так, множество размещается где-то *между* государством и народом, частным и общественным, индивидуальным и коллективным, испытывает нечто среднее между страхом и тревогой, постоянно совершая *переходы* от опасности к спасению и обратно. Это не означает, что множество видится ближе к коллективному или спасению, – нет, самим способом своего существования оно делает непригодным для анализа каждый из этих терминов, отменяет значимость, например, как частного, так и публичного и не позволяет объединять эти пары понятий. Означает ли это, что множество является если не синтезом, то некоторой формой опосредования, хотя бы терминологической?

На наш взгляд, особенно интересно посмотреть, как потенциальность проявляется в анализе «биополитики». Ведь это позволяет провести линии связи между опосредованием, отношением, медиальным и формами существования в их исконном антропологическом смысле. Вирно отсылает к работе Фуко, но поясняет введенное им понятие косвенно. Не следуя моде на использование «биополитики», Вирно предлагает прийти к адекватному пониманию его через другое понятие – рабочей силы (*Arbeitskraft*). Оно часто используется в общественных науках, сглаживающих, однако, его парадоксальность. Вирно напоминает, что это понятие означает не что иное, как способность производить. Речь идет о потенциальности – не о том или ином виде труда, но о том, что труд имеет место. Рабочая сила – это «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека...» (слова Маркса из «Экономических рукописей 1857–58 гг.»). Тут и лингвистическая компетентность, и память, и способность к движению. Только сегодня – вновь и вновь обновляет марксистскую теорию Вирно – рабочая сила подходит к задаче своей реализации; только сегодня это понятие не может быть редуцировано (как это было во времена Грамши) к совокупности физических и механических свойств, а естественным образом включает и «жизнь ума», очевидно, тот общественный интеллект, и

способность к использованию языка, которых мы уже касались. Хотя капиталистические производственные отношения основаны на различии рабочей силы и производительного труда, а потенциал – это не-наличное, отсутствующее, нереальное, Вирно подчеркивает, что покупается именно эта чистая способность к производству, а не тот или иной тип конкретных услуг. При совершении работы актуальностью становится то, что было только потенциальностью, и тут загадка капиталистического накопления.

Рабочая сила буквально *воплощает* фундаментальную категорию философской мысли, анализ которой возводим опять-таки к аристотелевской *dynamis*. Это не остается при капитализме абстрактным понятием, а приобретает прагматическое, эмпирическое, социоэкономическое измерение. Еще ни к чему не приложенный потенциал – во главе обмена между нанимателем и рабочим. Объект продажи – не реальная сущность (услуги труда, которые отделены от процесса труда), но нечто не имеющее автономного пространственно-временного существования. Если держать в голове предшествующие размышления Вирно, то это то самое «напряжение труда», которое он описывает как *зрелищное*.

Парадоксальные характеристики рабочей силы – это предпосылки биополитики. Тот же Маркс в тех же «Рукописях» писал, что сила, которую рабочий вынужден предлагать для продажи, не существует отдельно от него. Она *существует потенциально, как способность*. Живое тело рабочего – субстрат рабочей силы, которая не имеет независимого существования. Капиталисты заинтересованы в жизни, в теле рабочего только по косвенным причинам: эта жизнь, это тело содержат способность, потенциал, *dynamis*. Живое тело как таковое управляется и контролируется, потому что оно действует как носитель простой способности, рабочей силы. Не нужно думать, предупреждает Вирно, что биополитика включает в себя управление. Напротив, биополитика – просто эффект, артикуляция изначального факта – исторического и философского, состоящего в обмениваемости потенциальности как потенциальности.

Таким образом мы приходим к выводу, что основание биополитики *зыбкое* и далеко не безусловное: это возможности человеческого существа, намеченные в каком-то виде, но не заданные, не обладающие характеристиками неперемного присутствия. С этим связано одно из ключевых, на наш взгляд, рассуждений «Грамматики множества», а именно то, что можно было бы, собрав различные фрагменты текста, назвать антропологией Вирно, – описание множества как субъективности. До политического действия, возможности для которого еще должны быть изысканы, так как в тексте Вирно неоднократно отмечен неоднозначный, двусмысленный характер множества, и потому в определенном смысле этот текст может быть назван критикой множества, его цинизма и приспособляемости, хотя Вирно, конечно, хотел бы видеть возможности для будущего развития множества подобно тому, как из «белого шума» может возникнуть мелодия¹², еще до трудовой деятельности в крайне нестабильных условиях множество – прежде всего особая форма существования. И это последнее не описывается в экономических терминах. Оно должно быть представлено как опыт мира. Эта форма существования как таковая является чем-то опосредованным по отношению к неким недифференцированным *ones*, с одной стороны, и ин-

¹² Помимо восхищения новаторским исполнением Глена Гульда, виртуоза, пусть и не лингвистического, и «Вариаций Гольдберга» И.С.Баха – еще одна музыкальная метафора. Ср.: *Virno P. Grammar...* P 58.

дивидам – с другой. Последние в «Грамматике...» весьма проблематичны. Фактически индивиды не существуют. Если мы обратим внимание на тот фрагмент из начала текста, где множество впервые вводится через противопоставление как индивиду, так и коллективу¹³, окажется совершенно очевидным, что Вирно уходит от какого бы то ни было определения индивида. Если мы обратимся к финальной части («Множество как субъектность»), увидим, что Вирно на пути определения – даже не индивида, но индивидуации – избирает для пояснения гипотезу Ж.Симондона, полагавшего, что об индивиде говорить вообще неверно, и логика ответа должна быть совершенно иной: истоком ее должен быть не индивид как некая фиксированная сущность, но процесс, который может к нему привести. Наконец, в очередной раз останавливаясь на том, что марксистская теория должна быть реформирована в условиях современности, Вирно утверждает, что грядущая марксистская теория неизбежно должна стать теорией индивидуального, которое некогда мы окажемся способными определить¹⁴.

Первые, *ones*, – это те, кто еще не обрел свою индивидуальность. Вирно, отталкиваясь от рассуждений Симондона, предлагает иметь в виду доиндивидуальную реальность – нечто общее, недифференцированное, трудноклассифицируемое, потому что она продолжает оказывать свое влияние на то, что мы привыкли считать «индивидуальным». Компоненты этой реальности – биологическая основа вида, то есть органы чувств, опорно-двигательный аппарат, способность восприятия, эмоциональные силы. Вообще все производительные силы – доиндивидуальны. И восприятие не охватывается местоимением первого лица единственного числа: видит не «я», но некто, «оно». Язык – и это имеет принципиальное значение для Вирно, описывающего множество как грамматическое подлежащее, – также доиндивидуален. Им пользуются все в том или ином сообществе, язык принадлежит и всем, и никому. Говорит «некто» (*one*), использование проговариваемых слов интерпсихично, социально – только в связи с этим и можно оценить понятие публичного или общественного интеллекта; *parole* не зависит от того или иного *langue*; такой язык похож на анонимную среду, окружающую животное. А вот прояснение связи между способностью говорить и определенным актом говорения – это уже давление индивидуации говорящего.

Развивая гипотезу Симондона, Вирно полагает, что субъектные характеристики – это наложение доиндивидуальных элементов и индивидуализированных черт. Субъект – это и я, и некто, и неповторимая уникальность, и анонимная универсальность. Изобилие доиндивидуальных характеристик, которые продолжают наличествовать у «человеческого существа», ставит под вопрос акт индивидуации, обнаруживающий себя как неустойчивый и всегда обратимый результат¹⁵. И только публичная сфера, на образование которой Вирно возлагает надежды, должна послужить средством защиты произошедших индивидуаций и не позволить доиндивидуальному подавить индивидуальное. Наконец, окончательно разворачивая аргументацию Симондона в свою пользу, Вирно пишет, что «современное множество состоит из индивидуализированных индивидуумов, оставивших позади эту доиндивидуальную реальность»¹⁶. То есть получается, что множество – это, с одной стороны, наша наличная реальность, несовершенная и неокончательная, двусмысленная

¹³ *Virno P. Grammar... P. 24.*

¹⁴ *Ibid. P. 81.*

¹⁵ *Ср. P. 76–79.*

¹⁶ *См.: Ibid. P. 78.*

форма существования, с другой – такая, которая прошла стадию доиндивидуальной реальности, более того, использующая опыт коллективности для «более радикальной индивидуации». Именно с этим связывается грядущая марксистская теория индивидуации, которой предлагается учесть каждого из многих (*each of the many*).

Конечно, теоретически множество означает множественность (*plurality u being-many*) как делящуюся форму социального и политического существования, противоположенную единству народа (выбор в пользу Спинозы и против Гоббса). Согласно еще одному определению Вирно, соединяющего Симондона и Маркса, множество – это «комбинация социальных индивидов»¹⁷. Оксюморон «социальный индивид» (также из *Grundrisse* Маркса) приравнивается к Симондоновой «доиндивидуальности»: «Если доиндивидуальное включает в себя восприятие, язык, производительные силы, то можно сказать, что и “социальный индивид” – это тот индивид, который выставляет на всеобщее обозрение свой уникальный онтогенез». Однако все-таки что-то проблематичное есть в этом рассуждении. С одной стороны, Вирно как будто следует установке Симондона и рассматривает развитие «человеческого существа» в обратном порядке, в котором индивид – вовсе не отправная точка, а (возможный!) результат, но, с другой стороны, в явном стремлении наделить множество характеристиками, которыми оно еще как будто не обладает актуально (на что указывается в других фрагментах, которых мы отчасти касались), Вирно наделяет устойчивостью ту форму, которая является переходной. Кроме того, если следовать Симондону до конца, индивидуация, точнее, сменяющие друг друга процессы индивидуации не прекращаются никогда, и в своем взаимодействии со средой индивидуализирующееся существо фактически никогда не превращается в индивида как нечто ставшее. «Индивидуация высвечивает не только индивида, но также диаду индивид-среда (*milieu*). Поэтому индивид обладает относительным существованием в двух смыслах: не представляет тотальность бытия и является всего лишь фазой в развитии бытия, которое не существовало ни в форме индивида, ни в принципе индивидуации»¹⁸. Иными словами, потенциальность, так часто упоминавшаяся Вирно, вдруг сходит на нет: рабочая сила, вся совокупность человеческих способностей, собственно *dynamis* объявляются доиндивидуальными, оставленными позади – множеством, которое в использовании «общественного интеллекта» не доходит до уровня публичной сферы и, значит, на этом этапе своего развития, который анализирует Вирно, оказывается неспособным к действию¹⁹ (констатируемые увеличение личной зависимости, ощущения жуткого – фрейдовского *Unheimlich* и т. д.).

Если же мы, даже не обсуждая то, чей онтогенез имеет в виду Вирно прежде всего – «человеческого существа», то есть представителя биологического вида *homo sapiens*, или долженствующего образоваться через множество нового индивида (социального или другого), вновь вернемся к предметному полю теорий медиа, нередко обсуждающих темы среды, проблему описания того, что актуализируется в каждый момент, будучи почти неуловимым как таковое, обнаружим, что здесь потенциальность охраняется и видно устремление не торопиться преодолеть ее. На мгновение возвращаясь к сложной теории Симондона, отметим, что он настаивал на том, что

¹⁷ *Virno P. Grammar...* P. 81.

¹⁸ См.: *Simondon G. The genesis of the individual // Incorporations / Ed. J.Crary & S.Kwinter. Zone Books, 1992. P. 300.*

¹⁹ Ср.: *Virno P. Grammar...* P. 79, ранее pp. 40–42.

«имеется определенный уровень *потенциального*, который *остается*, означая, что дальнейшие индивидуации еще возможны», а «доиндивидуальная природа остается связанной с индивидуальным, и это источник будущих метастабильных состояний»²⁰, а не одних только угроз и опасностей, как это нередко выглядит у Вирно.

Симондон, как видно, не считал необходимым использовать термины «столкновение», «поле битвы» и даже «защита», хотя и писал о движении и деятельности, даже о напряжении. Предложенный им термин – трансдукция, то, что служит логическим принципом рассмотрения отношений и связей. Здесь уже сама приставка «транс-» указывает на движение и переход. «Трансдукция – процесс физический, биологический, ментальный или социальный, в котором действие вызывает каждый раз новое движение, распространение в данной области и структурирование различных зон, в которых эти действия происходят <...> как только структурирование осуществляется, вместе с ним происходят пропорционально увеличивающиеся модификации». И далее: «Хотя трансдукцию можно применить к онтогенезу, это также сам онтогенез»²¹. Так, в определенном смысле не отделяя собственно процесс трансдукции как способ существования от способа его описания, Симондон не оставил возможности для вопросов о том, кто говорит о процессе (индивидуации), кто его наблюдает и кто в нем действует, потому что каждый раз, снова и снова, на разных уровнях проявляется одна и та же логика. Фактически это логика самого существования, у которого нет задач, но есть разные возможности, *разные потенциалы*, наличие которых приводит к опосредованию, медиации между разными фазами и взаимному изменению и развитию (не побоимся этого слова).

Но с каким грамматическим подлежащим мы имеем дело в случае Вирно, какая у него «физиогномия» (по крайней мере в английском переводе «Грамматики множества...» это слово попадает не раз), что зрелищно в нем? Кто говорит о множестве и кто его наблюдает? Осознает ли оно себя множеством? Какие связи в нем действуют? Мы выяснили, что если даже оно является некоторой общностью, то не состоит из индивидов (они, может быть, грядут). Это и не некая неопределенно-расплывчатая «среда» (к ней как будто уже невозможно вернуться), это что-то разделяющее общие условия существования: угрозы со стороны мира, бесприютность, «общие места» (пусть не лингво-концептуальные возможности, как было бы в случае «среды»), не действие, но трудное приспособление. Разумеется, речь вовсе не идет о том, чтобы занять позицию ретрограда, заявляя, что нет никакого позитивного множества, раз Вирно так часто описывает его негативные характеристики и его зло, и заключать, что оно не производит ничего, кроме квазимысли (в «общих местах») и виртуозного квазидействия. Речь идет о том, что опосредование, которое должно было бы проникнуть в логику этого описания, не раз изгоняется почти нарочито. А это логически может привести к тому, что действие и множество окажутся несовместимыми, потому что множество скорее *выглядит* общностью, чем-то извне собранным по ряду признаков, которые выделяются неким взглядом из перспективы того, кто скорее всего в этом множестве не находится. То есть фактически тем, что иногда приписывается функционированию медиа в узком их понимании, – настоящей симуляцией. Кто выделит мелодию из «белого шума» – представитель множества? Тот, кому делегируют права?

²⁰ См.: *Simondon G. The genesis...* P. 306 (курсив наш. – *Н.С.*)

²¹ *Ibid.* P. 313.

Иными словами, нам представляется, что при всех находках в тексте Вирно, стремление описать множество как все-таки организм, все части которого испытывают одни и те же состояния (нигилизм) и используют одни и те же механизмы (лингво-концептуальные), разрешают свою потенциальность, но не совершают действия, может привести к тем же результатам, которые постигли исследователей киборгов – уже не людей, еще не машин. Ведь едва ли киборги интересны сами по себе, но безусловно – в связи с нами, в связи с тем, что означают проявления машинного для границ, задающих «человеческое». Этим мы вовсе не хотим сказать, что каждый из нас должен узнать или не узнать себя в множестве. Скорее мы хотели бы подчеркнуть, что анализ, сосредоточивающийся на одном из элементов – если структура трехчастна, каковой она, очевидно, является и в случае со множеством, располагающимся между индивидуальным и коллективным, даже при том, что элемент «множество» крайне неординарен и язык для его описания не вполне сложился, – и выносящий за скобки формы связей, отношения и опосредования, рискует зафиксировать то, что должно двигаться в своем развитии. Остановленное защищающееся «множество» – чем оно может быть принципиально лучше «народа»? Безусловно ценные усилия Вирно по определению множества дополняемы фрагментами аргументации теорий медиа, что, на наш взгляд, может привести только ко взаимному обогащению.